

Доман Рыженский

За гранью реальности,
прикосновение Любви

Роман Рыженький

За гранью реальности, прикосновение Любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22617728

Аннотация

Это сборник эссе, рассказов, миниатюр о любви и отношениях. Я просто рисую свои мысли букаффками... Ах букаффки, букаффки!!! Какое смешное и забавное слово. Словно маленькие букашки или казьявки, бегающие, прыгающие и летающие. То они сочно раскрашенные божьи коровки, то зелёные кузнечики с коленками назад или порхающие бабочки, мотыльки с шёлковыми крыльями. Иногда они цветут дивными цветами, на бесконечно зелёных лугах, под шёпот звёзд и тепло, и свет солнца Они так прекрасны. И я рисую ими радугу своих мыслей и чувств, иногда желаний или фантазий, иногда я просто рисую себя, а может просто жизнь, это не важно. Ах букаффки, букаффки, они стекают чернилами по перу на бумагу, или прыгают, танцуя чечёткой из-под пальчиков на клавиатуру, рисуя мои мысли. Я же всё-таки не пишу для всех, а только лишь для каждого. И эти забавные букаффки прыгают как хотят, я не могу за ними уследить и жертвуя орфой и великим могучим, отпускаю их в свободный танец. Мне ведь не важно, правильно, не правильно, красиво, не красиво. Мне одно лишь важно, цепляет

или нет... Цепляет в самое сокровенное, тот уголочек души, где мы прячем от всех, самих себя, тот уголок где мы настоящие, без глупого лоска и прикрас. Я рисую букаффками, не зная правильны они или нет, есть ли такой мир, или это иллюзия, а может так и должно быть, а мы живём лишь в фальши, подгоняя под реалии, чьи-то догмы и понятия. Я просто рисую свой мир.
(Рыженький)

Роман Ры

За гранью реальн

О книге и её а

С *Романом Рыженским* (Олегос Новосельцевым) нас познакомил сайт «Неизвестный гений». Случайно попала на его страничку и уже не смогла уйти оттуда. Сначала меня очень тронуло обращение к самому себе ли, к читателям ли...

«Анатомия и Философия любви... ох... ох... кто бы ещё отформатировал осколки моих мыслей да привёл к простым категорическим силлогизмам эту пачкотню... Но ведь всё

равно ты знаешь, что слова – это всего лишь правильная последовательность букв, сотканных по чьим– то правилам. Мысли и чувства на языке, которого нет, – он у каждого в его сознании свой. . . И ещё огромная просьба: не оценивайте орфографию, я знаю правила, но лень и невнимательность – мой извечный бич, я люблю писать пером, а не стучать по клавише. . . Найдётся грамотный и терпеливый редактор, милости просим, буду рад. Тогда даже подписываться не буду под сими опусами. . .».

А когда начала читать эти самые «опусы», меня просто поразили и восхитили необыкновенно живые, светлые, какие-то праздничные рассказы, миниатюры, эссе несомненно талантливого автора, и так захотелось прочесть всё, написанное им, не на мониторе компьютера,

а держа в руках пахнущую типографской краской, живую книгу. Вот так и родилось это издание.

Чудесные рисунки ко многим произведениям сотворила так же талантливая художница *Светлана Юрьевна Контур*. Несколько необычная, фамилия её – настоящая, по отцу, с детства. Так же, с детства, она начала рисовать. После школы выучилась на художника по росписи подносов и с графикой подружилась, как она сама говорит: «Это от души. Всегда рисовала только для себя, но однажды попросили оформить сборник стихов поэтов области, я читала стихи, рисо-

вала...».

И я сейчас, дорогие читатели, предлагаю вам окунуться в прекрасный, незабываемый мир миниатюр **Романа Рыженького** и графики **Светланы Контур**. Пожелаем соавторам долгой творческой жизни!

Редактор Надежда Давыденко, Беларусь.

Режиссёр, рулевой-моторист речного флота, медработник, член Международного Союза писателей «Новый Современник», председатель Белорусского регионального отделения МСП «НС». Четырежды лауреат и медалистка, дипломант и обладатель Гран-при межд. лит. премии

«Золотое перо Руси» и др. междунар. премий и конкурсов.

От автора

Родился я на краю Тихого океана в городе Владивостоке, сейчас живу в центральном Черноземье в городе Липецке. Но и родной город не бросаю – то там, то здесь... – Люблю менять иногда всё в жизни кардинально.

Пишу давно, но ничего не сохраняю, – иногда приходит время, и я стираю всё в жизни, как ластиком, так же, как и свои дневники. Больше люблю писать ручкой на бумаге, их проще сжечь, в интернете они всё равно гуляют где-то в кэше, да в плагиатах... Наверное, людям самим лень стучать по клавише, да ладно, Бог с ними.

О себе? Так вы найдёте в моих мини, как я сам себя вижу... Хотя... правы мудрецы, что у нас три сущности: какими мы видим себя, какими нас видят другие, и какие мы на самом деле. Но, наверное, я всё же белая ворона, вы найдёте это в одном из моих мини.

Сам не знаю, откуда у меня такая потребность – писать. Я постоянно мысленно пишу тексты, иногда просто хочу поделиться ими с другими: как вижу этот мир и что чувствую...

Для меня оформление книги, что управление космическим кораблём, нет, конечно, я когда-нибудь полечу, но не в этой жизни... Так что, всё доверяю моему редактору.

Да и фотографий я вряд ли найду для книжки, – разве только эту, – хорошие фотки получаются только с моей женой. Единственное, что я хочу видеть на обложке – рыжего кота.... Вот люблю я их...

Всегда ваш, Рыженский

Город лжецов и плахи

Это был странный город. Он вырос каменными джунглями на месте дивных лугов васильков и ромашек, цветущих по склонам, убегающим в чистоту текущей реки.

Этот город спрятал за светом своих фонарей и неоновых реклам улыбку проказницы луны и шёпот, романтических в своём переливе с чёрной бездной, звёзд.

Он отравил дыхание земли своими трубами заводов и, вечно куда-то спешащими, машинами, да своим гулом он разорвал тишину.

В этом городе все люди тоже были странными, они потеряли Любовь и забыли, что это значит.

Они бродили по городу, словно роботы в масках, пряча в карманах фальшивые лица на все случаи жизни. Пелена прагматизма не давала взглянуть в их глаза, чтобы увидеть там душу. Их сознание архивировало и раскладывало по полочкам памяти лишь голые, без одежек, мысли.

Они скатали и подменили искренние чувства, эмоции, от-

ношения в пластилиновые шарики суррогата из рефлексов и инстинктов. И, когда им было нужно, они мяли из них забавные фигурки.

Это был очень странный город.

Вроде бы, с виду всё, как у всех, и жизнь в нём текла, как гущёнка, сладко, но вязко и приторно.

Жители этого города мучились в жалких потугах нарисовать сострадание и любовь. Но они их потеряли, да забыли, что это такое, и поэтому получались лишь грязные и размытые пятна фальши.

Это был странный город, – город лжецов и пластилиновых шариков.

И стоило светлой и чистой душе там поселиться, она со временем становилась такой же, как все, и погибала, заражённая бациллой чахотки равнодушия.

И я бегу из него, я задыхаюсь там!!!

Я верю, что есть на этой планете другие города!

Я верю, что есть город счастья, где люди разговаривают мыслями, ведь им нечего скрывать, они не мерзкие и не пош-

лые, а чистые и светлые.

Там обязательно стеклянные крыши и стены домов, и свет растворяет всё плохое, что происходит с родными друг другу, всеми людьми.

А васильки и ромашки там стелются вдоль тропинок вместо закатанных в асфальт тротуаров. И Бог там один – это Любовь.

Я верю, я знаю, он есть!!!

Полёт Вероники над Б

Август уже наливал багрянцем, словно капельками крови, зелёные листья деревьев, а кондиционеры ещё плакали последними слезами, роняя их со звоном на подоконники нижних этажей.

Ещё послеобеденный зной душил город жаркими тисками и плавил асфальт.

Но лето уже убегало в неизбежность прошлого, напоминая его прохладой ночей и звёздным небом, разукрашивая его яркими хвостами падающих желаний.

Ни он, ни она уже ничего не ждали от этого лета.

Их отпуска пролетели, словно в чужом чёрно-белом кино, оставив лишь фотографии в их айфонах, но не в памяти, о глупых и ничего не значащих курортных романах.

Время скользило по волнам их жизни, не давая пересечься их координатам. И лишь только мысли, желания и мечты

были всегда где-то рядом.

А жизнь затягивалась болотным тленом работы и каких-то мелких, бытовых проблем, унося их в небытие бессмысленности прожитых лет без счастья и любви.

Вероничке снилось этой ночью счастье, оно несло к ней на встречу белоснежным скакуном с золотой гривой по лиловому полю цветов, и это поле стелилось среди белоснежных облаков, убегающих за горизонт хрустальной чистоты.

Зорька нового дня нежно погладила её плечи и белокурые кудряшки, разметавшиеся по подушке. Поцеловав лучиками солнышка её небесные глазки, в которых давно уже утонула тень одиночества, она разбудила Вероничку.

По-кошачьему выгнувшись и потянувшись, Вероничка стряхнула с себя остатки сонной неги под мурлыкавший над ухом будильник, и заскользила в ванную.

Женские утренние мысли путались с разной брэнной чепухой о неизбежном счастье, которое обязательно скоро придёт, о затяжке на новых чулках, о новой шубке на зиму и дурах-подружках, не верящих в её счастливую звезду, которая обязательно упадёт в её ладони.

Она улыбнулась той, что пряталась всегда с обратной стороны зеркала, так похожую на неё, но всегда чуть-чуть некрасивее, что хотелось разукрасить макияжем и

подогнать её под реалии, они ведь понимали друг друга без слов.

Ещё раз улыбнувшись и подмигнув ей, Вероничка шагнула за черту пятницы, отделяющую рабочую неделю от выходных.

Славкино утро было более прозаичным.

Всю ночь, возмущённая приближающийся осенью, луна купала в своём голубом свете его мысли, не давая уснуть, заглядывая в окна со всех сторон.

Волны воспоминаний раскачивали разум к анализу уже прошедших лет и достигнутых высот.

И всё, как казалось, было хорошо: свой доходный бизнес, достигнутый своим же умом и усидчивостью позволял жить ему, как хотелось, но холодная, одинокая постель акцентировала его сомнения, дребезжа диссонансом реальности.

Сегодня, под конец рабочей недели, ему наконец-то удалось побороть бессонницу и надолго под утро впасть в необы-

тие. Марево из обрывков сознания и фантазий рисовало ему ту Нирвану, к которой стремилась его душа.

Проснулся Славка со счастливой улыбкой и, докуривая на кухне сигарету, хулиганя, кинул её в недопитую чашку кофе.

– Скоро так не пошалишь – подумал он – скоро придёт ОНА, и будет всё по-другому. – Улыбнувшись ещё раз собственным мыслям – счастье где-то впереди – стартанул на работу.

Суматошная пятница утопала в послеобеденной жаре, и офисный планктон расплющился на своих рабочих местах, едва двигая «мышки» вспотевшими ладонями.

Вероничка весь день не замечала знойных волн, душивших город, она всё ещё парила в нежных облаках своего вещего сна, и загадочная улыбка прилипла к её пухленьким и влажным губкам. Не обращая внимание на удивлённые и завистливые взгляды (как она их иногда ласково называла, коллегушек), проболтала полдня по телефону с подружками, договариваясь о традиционной «Пьяничной» встрече в их любимой кафешке.

И весь отдел слушал о её удивительном сне и скором счастье, которое вот-вот постучится в её двери, да ещё о всякой

разной девичей ерунде, что клеится к походу в кабак.

Но ей было всё фиолетово, ведь впереди ждало Счастье.

Стуча лёгкими каблучками по лестнице, на выходе из офиса вдруг замерла, её светлую женскую головушку, пронзила сумасшедшая мысль: а какого рода слово Счастье?

Лихорадочно перебирая в уме школьный ликбез, пришла всё-таки к выводу, что для Него оно будет женского, а для Неё – мужского рода, и счастливо ринулась вперёд.

Слава скользнул взглядом по висящим на стене часам, которые умиротворяли своим тиканьем ауру его кабинета и, поняв, что до конца рабочего дня ещё больше часа, с тоской глянул на всё ещё бушующее за окном уходящее лето. Он хлопнул крышкой бука, швырнул в зев сейфа документы и вышел из своего кабинета.

Его коллектив, изображая потуги работы, распластавшись, словно медузы на песке, над клавиатурами, вопросительно смотрели на него.

– Ну что, гении клавиатурного стука, пошутил он:

– Вижу в ваших глазах и мыслях тенистые пляжи у ваших дач, да прохладные пивбары.... Всё, амба, домой, а в поне-

дельник все на полчаса раньше, пока утро и прохладно. Сегодня всё равно от вас толку мало, – кто последний, закрывает офис. Всем бай! – и под одобрительные гудение шагнул за дверь.

На потемневшем небе зажигающиеся звёздочки уже прыскали прохладу на обожжённый город, и тишина напозала, стараясь придушить усталость от рабочей недели.

Под эту умиротворяющую симфонию за Славкой закрылись двери кафешки, пропустив его в чрево безумных вакханалий, пробуждаемых Бахусом.

Две капли вина кровавого цвета из поставленного Вероничкой бокала замысловато расплылись на белоснежной скатерти двумя рубиновыми сердечками.

Кто-то оставляет мне знаки, – с радостью пронеслось в уже захмелевшем её сознании. Подружки весь вечер, по добромудру изгалялись над её сном и фантазиями. Они припомнили, что дверь в кафешку слишком низкая и, дескать, лошадь сюда не войдёт, а вползающую лошадь они ещё не видели, тем более с принцем.

Да и вообще, если лошадь была одна, это или к новой машине, или наездник был не очень-то ловок, раз не смог дви-

гаться в такт кобылки под ним, да и много разной ещё смешной ахинеи, приходящей на пьяный дамский ум.

Они от души хохотали, Вероничка не обижалась и смеялась вместе с ними, но взгляд постоянно исподтишка сканировал пространство вокруг, чтобы не пропустить Его...

Услужливый официант проводил Славку к заранее заказанному столику, смутившись заминкой, когда его коллега, загоразивая, передавал за соседний столик девушкам от другого столика бутылку шампанского и букет тех, не первой свежести, роз, что разносят какие-то

недобросовестные личности, пользуясь захмелевшими посетителями.

Славка сел спиной к подругам и уткнулся в меню.

Нависший над столиком, официант позади Веронички бубнил в передачу от парней с другого конца зала какие-то комплименты и разливал одной рукой по бокалам шампанское, посланное ими. Другой же он старался впихнуть розы в вазу, принесённую им же, но дуплет не получался, и он, положив цветы на стол, разволновавшись, ушёл под едва уловимый метал-лический звон стула, словно чокнувшегося с её стулом, когда очередной посетитель садился рядом, к ним спиной.

Подружка съязвила очередной раз.

– Оказывается сейчас гламурненько так – принцам заезжать в общепит с чёрного хода, незаметно и прятать

своего белоснежного пони под столом, жаль вот только – не выпас его, как следует, – он-то с голодухи розы чуть– чуть и жеванул.

Девчонки прыснули заразительным смехом и помахали улыбающимся парням.

Эфемеры коктейля из горького шоколада и алкоголя, акцентированные приятной музыкой, наполняли ауру пространства и туманили рассудок человечков, зажатых в этом оазисе купленных удовольствий.

Слава и сам точно не знал, почему он выбрал именно этот кабак. Просто – наудачу – ткнул в него в справочнике своего телефона и заказал столик, пока бесцельно блудил среди городских фонтанов, дарящих прохладу и пытался собрать в губку своего мозга растёкшиеся мысли.

Он с любопытством обвёл взглядом уже заполненный зал, и разум сразу кинул его в сегодняшнее утро, к его мыслям и мечтам, найти ту Единственную. Ведь не зря его накрыла та

неизвестная волна, которую он до этого никогда не испытывал, когда он только сюда зашёл.

Словно прыжок из поднебесья в неизвестность, наполненную нежностью и любовью, где от скорости свободного падения захватывает дух, и кожа пузырится от живых тварей – то ли демонов, то ли ангелов, живущих в тебе и вырывающихся на свободу. Да ещё и тот ледяной жар, что проносится в тебе, как электрический ток, – от

мизинцев на ногах до кончиков волос. Словно сама нежность ласковая, едва касаясь своими тёплыми губами твоего холодного тела, целует тебя.

Они так и сидели почти весь вечер, едва не касаясь друг друга, отвернувшись в разные стороны, и не видя друг друга.

Вероничка уже давно поняла, что вечер насмарку, когда эти симпатичные гиббоны по всем правилам банального съёма начали их зазывать на случку в сауну.

Всё было так примитивно и знакомо, что ей хотелось расплакаться. Он-то точно не скатится к предложению пойти помыться.

Да ещё эти предательские мурашки, выглядывающие из-под коротких рукавов её вечернего платья, неизвестно откуда

да взявшись, принесённые какой-то непонятной волной.

Её взгляд упал на те капли, что стекли с её бокала, и на мгновение жуткий мороз пробежал по спине. На Вероничку, почти в упор, прям в самую душу, смотрели кровавые глаза демона.

Ванёк так и оставался Ваньком к своим сорока пяти.

Гниль и ржавчина семейных отношений давно разъели его душу, мысли и помыслы. И всё, вроде, было, как у всех, но жалкий плагиат его семейной жизни давно превратился в фарс, а незыблемые константы перетекли в

примитивные инстинкты. Вот и сегодня с утра, зажёвывая вчерашний перегар, гремел на кухне кастрюлями, на пару с женой обливая друг друга словесными помоями. Но они этого не замечали даже, для них это было нормой. Какое общение, такие и отношения.

– Ты су..., б..., что вчера борща не сварила? Знаешь же, что мне с утра за руль, комиссию могу х... пройти.

– А ты м... меньше с дружками в гараже зарплату пропи-вай, сегодня не принесёшь, х... домой пушу и вещи выкину.

Ванёк со злости хлопнул дверью и побрёл на работу, на ходу жуя лавровый лист со жвачкой.

Славка разочарованно смотрел на, колышущийся танцу-

ющими телами, зал. Ему были не интересны томные взгляды с соседнего столика размалёванных девиц, акцентированные более на его часы и перстень, чем на него самого. Он с грустью взирал на недопитый бокал вина, играющий кровавыми переливами цвета, и точно знал, что стоит только сделать пригласительный жест, и девицы тут же окажутся за его столом. Но Славке было это не интересно, да и не мог он стряхнуть с себя ту волну, что накрыла его сразу же по приходу сюда, – ему было сказочно уютно и хорошо, и он даже не мог понять, почему.

«Она бы точно не подошла, а оскорбилась от такого жеста» – почему-то подумал он.

«Пора отчаливать» – и, пересилив себя, кинув счёт и чаевые на стол, стал подниматься.

Случайно задетый им, бокал недопитого вина растекался на белой скатерти кровавой лужей.

Вероничка виновато взглянув на подружек, засобиравшись домой. Пустой вечер вперемешку с непонятным и неопознанным ей чувством, как магнитом, вытягивал её из-за стола. Она встала.

Лёгкий толчок, как пуховой подушкой слегка качнул её и заставил мурашек, притаившихся под коротенькими рукавами её платья, разбежаться по всему телу, а бархатный и ти-

хий баритон его «извините», пустил их в безумный танец.

Их взгляды встретились, и весь мир рухнул, перестал существовать для них.

Они даже не стали понимать, что говорят друг другу, да это было и неважно, – они просто чувствовали слова, а смысл им был не нужен.

Они стояли так близко, что каждая клеточка их тел ощущала другую. Их дыхания и стук сердец были в унисон, а мысли сплелись и вцепились друг в друга, как спруты. Ни время, ни пространство их не волновало. Они ничего не замечали вокруг. Будто в замедленных кадрах кино без звука, мимо них проплывали чьи-то любопытные взгляды и слова.

Вероничкина рука легла, как в уютную постельку, в его широкую ладонь, и они пошли на выход.

Стук её каблучков на подсвеченной разноцветными огоньками лестнице из кафешки, рассыпался дробинками тревожного эха по уже засыпающему городу. Им было без разницы, куда и зачем идти, словно знали друг друга тысячи лет и никогда больше не расстанутся, вовеки. Среди миллионов скоплений звёзд и миров они нашли друг друга, и счастье их накрыло той необъяснимой волной. Прижавшись

друг к другу и ничего не замечая вокруг, они шагнули на пешеходку...

Три сотни лошадей по-волчьи выли под капотом КамАЗа, заставляя тонны металла, несшиеся по центру города, нарушать все мыслимые и немыслимые правила Ванёк матом поносил по телефону жену, так некстати прервавшую попойку в гараже своим звонком о выброшенных вещах с балкона и запертой двери.

– Сейчас приеду, голову оторву тебе с....!

Пара жёлтых, волчьих глаз хищно неслись на них. Вероничка видела, как они наливаются кровью и расплываются теми каплями, разлитыми на её столе, и становятся неизбежностью. Слава, пытаясь её защитить, прижал к себе и закрыл собой. И в последнее мгновение почувствовал вкус её губ на своих губах, словно в поцелуе вечности. И вспышка одной мысли ослепила их обоих:

– Как жаль, что всё так быстро, но мы будем вместе всегда...

Их накрывала собой тьма бездны... Вероничка парила над ней...

Мы в ответе за

Этот маленький, чёрный комочек из перьев лежал под ногами, упав в нишу подвальных окон и, выбившись из сил, уже не махал ослабевшими крыльями, а лишь цеплялся коготками лап за мусорные пакеты.

Он смотрел на этот мир пронзительно грустными глазками, осознавая, что всё, ему конец. Безысходность капельками слёз блестела безнадёгой в глазах птенца ласточки.

Городская суета пронесла мимо людей, хоть иногда и сердобольных, но утро, работа... И все проходили мимо, делая вид, или просто не замечали его.

Силы покидали птенца, и он уже точно знал, что не вернётся в родное гнездо, и никто его не спасёт, и не поможет, разве, что мальчишки-хулиганы пришибут палкой, или котяра вонзит клыки прямо в шею, избавив от лишних мучений.

Их взгляды встретились, – его, погибающего в городской суете птенца ласточки и мужчины средних лет.

– Хм-мм... откуда же ты здесь взялся?

Мужчина оглянулся вокруг, обвёл взглядом ближайшие деревья и крыши, но гнёзд и кружащих в тревоге мамаш не увидел.

Он спрыгнул вниз и аккуратно сгрёб птенца в широкую ладонь:

– Что же, бедолага, с тобой делать? Ещё раз глянул в глаза птенцу, выпрыгнул из ямы и, не спеша, направился с найдёнышем в сторону парка.

– Ты пойми, пернатый друг – бубнил он по дороге, как будто маленькое существо его понимало, уютно присмирив в его ладони – ведь к себе я тебя взять не могу, по тысяче причин.

Во-первых, кошка, но и это не самое главное, я никогда не ухаживал за птенцами, да и вряд ли смогу ловить тебе мошек... и т.д. т.п... – словно уговаривал он себя.

Наконец, его взгляд поймал кормушку, висевшую достаточно высоко и полную всякой снеди, что заботливые граждане насыпают белкам и птичкам.

– Ну, вот, видишь, здесь тебе будет уютней, – корма навалом, да и котов здесь не наблюдается, – осваивайся.

Его ладонь разжалась, и птенец сполз в кормушку, но не двигался, смотрел печально прямо в глаза, будто бы умолял не бросать его здесь одного.

Мужчина отвёл взгляд, пожал плечами и направился к дому, доказывая мысленно самому себе, что всё, что в его силах, он для пернатого сделал...

Ближе к вечеру, когда он понял, что всё не так, и все аргументы лишь жалкие прикрытия его трусости взять ответственность за это пернатое существо, он побрёл к оставленной им кормушке в парке...

Потом долго стоял и курил, глядя на цепляющиеся за кроны деревьев, кровавые коготки заходящего солнца и пустую кормушку... И о чём-то думал...

Выжмая девчо

(простые вещи)

Щедрое Солнышко раскрасило её щёчки и курносый носик озорными поцелуйчиками забавных веснушек. Её шёл-

ковые волосы, как венок весны, заплела толстой косой и посыпала золотой пудрой. Изумрудные глаза одарила лучиками своего тепла, искорками любви и счастья.

Рыжая девчонка шла по улице и улыбалась всем встречным людям, даря им свою улыбку и счастливый взгляд.

Она просто была счастлива!!!

И люди улыбались ей в ответ и, даже у самых серьёзных, да смурых краешки губ тянулись к небу. Этой девчонке улыбалось всё вокруг в унисон её счастью. Ей солнышко на ушко шепнуло один очень простой секретик.

Этот мир дарит тебе то, что даришь ему ты!!!

Ведь если тебе грустно и плохо, то голубое небо затягивается грязной пеной серых облаков и льёт слезинки вместе с тобой.

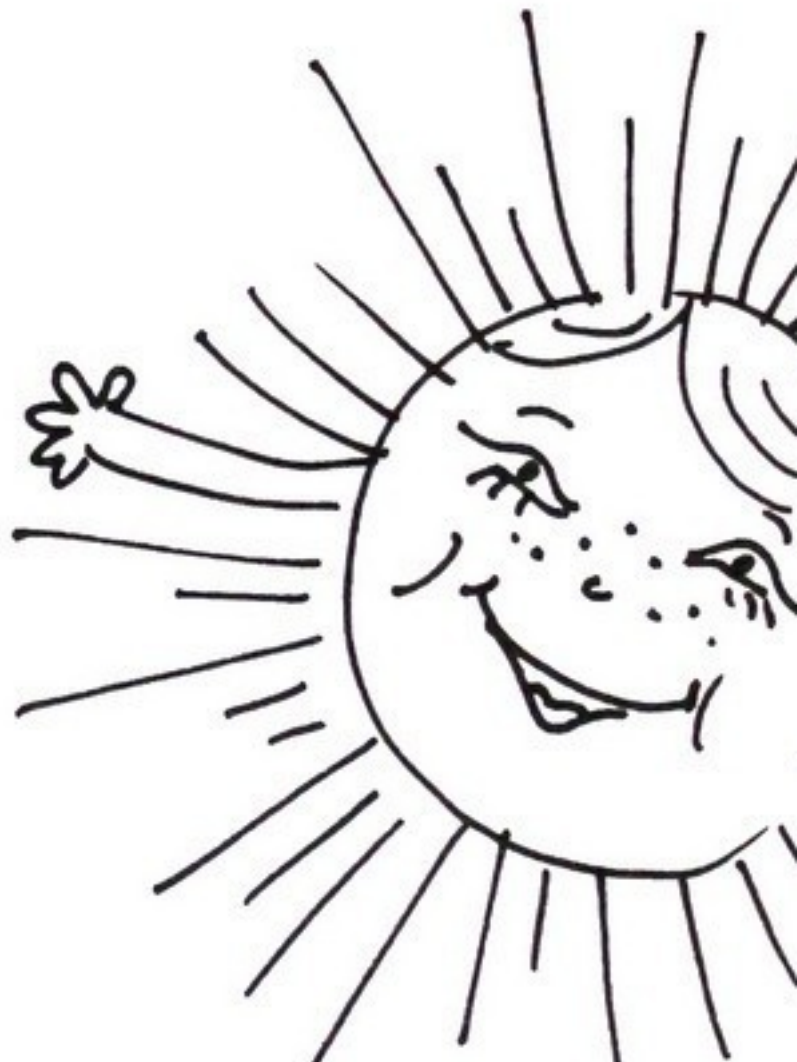
Если ты счастлива и любишь, то даже грустная луна качается и кружит на звёздных качелях, а эти шальные

бабочки в сумасшедшем вальсе своими шёлковыми крылышками нежат душу твою и тело.

ВЕДЬ ТЫ И ЕСТЬ ЭТОТ МИР!!!

Рыжая Солнечная девчонка просто шла по улице и дарила этому миру свою улыбку, любовь, счастье... И мир ей отвечал тем же...

Дарите людям свою улыбку и любовь!

Секунда дли

Они бегут неумолимо, безжалостно, раскручивая стрелки на циферблате часов, и не угнаться за ними, и не вернуть.

Они летят, как будто пущенная стрела, сквозь твою жизнь по вектору судьбы.

Секунды растягиваются в минуты, часы, года и века, превращаясь в бесконечность, но в них и есть вся твоя жизнь.

Всего лишь одна секунда, одно мгновение, решает всё и может изменить многое.

Ведь может лишь одной секунды не хватить, чтобы принять верное решение, или не сделать тот шаг навстречу роковой пуле, летящей прямо в сердце. Ты или шагнёшь в точку неизбежности, или опоздаешь.

Всего одно мгновение, и ты не успел или задержался, и становится всё по-другому, и нет в мире случайностей, – есть только те секунды длиной в жизнь...

Счастье, горе и всё, что с нами происходит, проносится мгновенной вспышкой, и потом мы живём

этим всю оставшуюся жизнь. Как жгут, сплетённый из секунд, хлещет нас плетью реалий.

Лишь секунда, лишь мгновение, и ты почувствовал тот вкус сладкой вишенки от поцелуя на своих губах и, как наркотик, он нужен тебе потом всю жизнь.

Лишь секунда, лишь мгновение, и ненависть вонзилась кинжалом в твою душу, и ты смертельно ранен или отравлен ядом неизбежности мести.

О, как нам, порой, хочется вернуть те мгновения невозврата, что канули в прошлое, подчеркнув своим красным маркером в сознании слово «сожалею»!

Обо всём что

Любоффффъьь

Она есть или её нет. Ей не нужны ни определения, ни доказательства. Она вне времени и пространства, ей не нужны подтексты и краски, да и объяснения ей не нужны. Она есть или нет, всё остальное – дешёвое словоблудие.

На грани

Это не когда ты можешь перейти рубеж, а когда тебе всё равно, в какую сторону ты свалишься.

Прощение

Прощают лишь сильные, да великодушные. Слабые могут подавиться своей обидой и затаиться.

Влюблённость

Это только лишь старт перед марафоном к большой любви. И лишь твой выбор – какой он будет, как тебе стартовать: или с низкого, или вообще фальстарт взять. Ты, главное, добеги до финиша.

Подарить любовь...

А ты мне не дари любовь, – о подарке можно забыть или не оценить. Ты мне её вонзи в сердце, как кинжал из булатной стали, да по самую рукоятку. Да так, чтобы капельки крови слезинками скатывались по кровостоку, омывая и грея душу. И тогда навеки она останется там.

Правда или ложь

Да нет, это не ложь. Это просто одна из миллионов возможных реальностей. И чего привязались к другим, чтобы вам всегда говорили правду? Мы и сами-то себе её иногда сказать не можем, хоть и знаем её. Вот и живём в разных ре-

альностях.

Какие все

И зачем мне говорить, каким я должен быть? Если бы видели себя моими глазами и разумом, – какими вы иногда бываете мерзкими, то вы бы застрелились.

Слова

Просто последовательность букоффффффф, вот складываем их для себя в красивую мозаику, вкладывая в них свой смысл... А для других, это может быть абракадабра...

Поэтому-то, поступки, действия, да желания важно акцентированные чувствами, а слова – только раскраска к ним.

Жалость

И какой умник сказал, что жалость унижительна, - «википедий», что ли начитались? Как можно снисходительно сострадать? Сами-то поняли, что написали?

Унижительно лишь равнодушие, потому что ты становишься пустым местом.

Глаза в глаза

Ты в них загляни, и, если там не увидишь себя, то и в душе тебя нет....

Свобода, как истина

А есть ли она??? Если ты раб своих мыслей, желаний и восприятий. Она, как и истина, где-то рядом, как мираж... Их нет, а есть только путь к ним... – Не заблудиться бы.

Про деньги

Забавно как-то, человечество их придумало, чтобы определить цену всему, но они сами, как в насмешку, определили цену самого человека...

И цену Божьего Сына – в тридцать серебрянников.

Судить других

Как будто, кто-то кому-то дал право судить и осуждать других. Мы можем лишь оценивать других, да и то только по шкале своих ценностей. А одна на всех – она лишь у амёб.

SOS

... наши души

Чужому счастью, удаче и успеху чёрные души завидуют и

ненавидят. Чистые души сожалеют, что не они, не для них и не им. И только светлая душа, радуется и гордится за других.

Аленький Цветок

*Посвящается моему соавтору – художнице
Светлане Контур, иллюстратору этой книги.*

Она рисовала цветы нежной кистью своих мыслей и желаний, они были её любовью и страстью. В них она видела целый мир с полной палитрой красок, запахов и звуков.

Она дарила им жизнь на нежных холстах своих фантазий, зажигая их свет на всём, к чему прикасалась её душа. Ведь её душа и была тем Аленьким цветочком, что дарит свет, любовь и надежду другим.

Вокруг неё мимо проносились чьи-то судьбы и мечты, а она лишь раскрашивала их своими красками, дарила им свои цветы, как маленькие осколочки своей души.

Она просто рисовала цветы, она слышала музыку цветов, их дыхание и пульс жизни.

Она рисовала цветы, как отражение своей души, Аленького цветочка!!!

Она ждала его с

(городские зарисовки)

Посвящается всем тем, кто своих любимых и родных ждал с войны

Старый дворик, зажатый и спрятавшийся в периметре довоенных, жёлто-розовых двухэтажек, утопал в акациях и клёнах. Жильцы домов, знавшие друг друга с рождения, были словно родственники, делившие и радости и горе, как одна большая семья. Их дети, давно повзрослевшие, поразлетелись, как птенцы из гнезда, – кто в новые квартиры, кто в другие города, и только привезённые к заботливым бабушкам внуки и правнуки приносили весёлую сумятицу в жизнь старого двора.

Покосившиеся от времени лавочки, песочницы и качалки красились каждую весну заботливыми жильцами, и под окнами всё лето цвели цветы. Подъезды, впитавшие в себя запах сырости и старости, не закрывались, когда приходило тепло, и лишь зимой жалобно скрипели, пища пружинами

на дверях. В общем-то, обычный старый дворик, какие есть по всей России в заводских районах, построенных в эпоху предвоенных пятилеток.

Она сидела молча на скамеечке перед подъездом, – таких в народе называют старушка – божий одуванчик. Её, поблекшие от времени, глаза светились внутренним светом надежды в ожидании. Взгляд постоянно цеплялся за, единственную на входе во двор, арку с осыпающейся со стен штукатуркой.

Безжалостное время исчертило её лицо морщинками и запорошило волосы сединой, но не стёрло воспоминания о нём, – о том, кого она обещала ждать. И память уносила её в июль сорок первого, когда её Сашка растворился в свежесыбеленной арке, с почти ещё мальчишеской улыбкой махнув рукой на прощание.

Она помнила его заразительный смех, когда он уговаривал не провожать его до вокзала, что скоро они погонят всю эту фашистскую нечисть прямо до Берлина, и он сразу вернётся. А она пусть ждёт его на лавочке. Они оба не верили, что их три дня счастливой семейной жизни канут в Лету, что может исчезнуть куда-нибудь тот счастливый май, что свёл их вместе.

Тот май – с запахом сирени и цветущими садами – дарил им надежды и мечты, а главное – любовь. Ведь должны были остаться навеки те слова, что он говорил ей на этой лавочке, провожая её. Когда, стесняясь и краснея, признавался в любви, и первый их поцелуй, и их клятвы друг другу, и это «давай поженимся», сказанное под звёздным небом, от волнения – почти шёпотом, и этот зелёный платок, – накинутый на плечо подарок жениха

невесте. Он был единственным, что он успел ей подарить за короткую и счастливую их семейную жизнь.

Она помнила его по-мужски уже сильные руки, завязывающие платок с мальчишеским ещё стеснением у неё на груди в шуточный пионерский галстук и его смущённую улыбку. Она помнила всё, как будто это было вчера. Хотя старый дуб, росший посреди двора и покрывшийся грубыми морщинами коры, растолстевший и покосившийся на бок, готовый вот-вот упав, заглянуть ветками в окна к жильцам, уже почти затянул с неумолимым временем тот шрамик, что оставил он перочинным ножиком на его стволе << Саша + Маша >>.

И стало его почти не видно, но на сердце её он горел и жёг. Да ещё этот зелёный платок, что согревал её душу и дарил надежду всю жизнь, и ещё память о нём. Вот и всё, что осталось от него, когда проклятушая война позвала его к себе,

чтобы защитить всё, что ему было дорого: родину и их любовь, его голубоглазую Машеньку. Но безжалостная стерва его позвала и растворила в пелене вечности под этой, с уже осыпавшейся штукатуркой, аркой на входе во двор.

Каждый вечер, несмотря на погоду и время года, она выходила во двор в его зелёном платочке: а вдруг не узнает, ведь поседела и постарела, но платочек точно вспомнит, и садилась на их с Сашкой лавку.

Бездушное время не пощадило и платок, который она с любовью и заботой, зная каждую ниточку на нем, хранила и берегла. Но уже не спасали его ни нитки, ни иголки, он стал осыпаться по краям, поедаемый тленом и, когда-то яркие, краски покрылись бледными лужами, и лишь пятна напоминали о его цвете. Но не было такой силы на земле, которая бы заставила её повязать другой платок.

Она ждала своего Сашку!!!

В тот вечер она особенно задержалась на лавочке, с волнением вздрагивая от каждого звука шагов по тротуару, разносящегося эхом по засыпающему городу, ударяясь о стены старого дворика.

Кто-то из заботливых соседей из открытого окна крикнул:

– Баба Маша, иди домой, смотри, как к вечеру похолодало, ещё простудишься!

Она ещё раз посмотрела с неугасающей надеждой на арку, с притаившейся в ней темнотой ночи, и побрела домой, бормоча себе под нос:

– И то правда, надо идти, а то Сашка вернётся, а у меня и чайник то холодный, а он, уставший, с войны...

Утром весь двор собрался у подъезда бабы Маши, все стояли молча, со слезами на глазах и шмыгали носами. Её выносили два здоровенных мужика на носилках, накрыв белой простыней, шагая в направлении арки, за которой

стояла машина ритуальных услуг. Словно унося её вслед за тем, кто растворился в вечности, отдав за неё и за них жизнь, и кого она так верно ждала. Шальной ветерок, словно на прощание, рванул край простыни и откинул его в сторону.

Она загадочно улыбалась, а в бледной руке на груди был крепко зажат зелёный платок. Тишину нарушал лишь детский, едва слышный, голосок девочки лет шести, почти шёпотом:

– Бабушка, а что она так и не дождалась дядю Сашу?

– Нет, Катенька, она его дождалась, и теперь они будут вместе. Всегда...

Бднѧ тѧйн

(городские зарисовки)

Звѣздочка по имени Солнышко с утра, проснувшись и стяхнув с себя, да и с голубого неба последние следы запоздалых, ночных сестричек, брызнуло светом и теплом на просыпающийся и суетливый город.

Умытые ночью извечными трудягами, красными китами на колѣсиках – мойщиками асфальта, тротуары ещѣ парили влагой и туманили приходящую неизвестность зарождающегося дня.

Дворники шуршали ещѣ мѣтлами в унисон музыки торопливых шагов граждан и гражданок, спешащих на работу. Им вторило пернатое разношѣрстное племя, дразня щебетом и чириканьем своих лохматых врагов, бездомных кошек и собак.

Он стоял на крыльце подъезда в раздумье, смахивая с сознания остатки ночной неги сна, стараясь раствориться в су-

ете утра и прогнать лень, чтобы принять хоть какой–нибудь план на день. Но, очередной раз поняв, что

42

импровизация его ни к чему не привела, шагнул на встречу новому дню, на прощание уловив трель электронного замка.

Задумчивым взглядом окинув свою подружку, стоящую без дела под окном уже почти месяц, заботливо стряхнул из-под дворников машины залетевшие листья, пощёлкал сигналкой и пошёл лёгкой походкой к остановке.

Её знакомый силуэт он заметил сразу, ещё не доходя до светофора. Словно дикая кошка в лоне дикой прерии, она скользила на невесомых каблучках по грубо вымощенному тротуару. В осиную талию безжалостно вонзилась анаконда ремешка, шая с благородством классики изумрудного платья. Шикарные, белокурые локоны будто крали солнечный свет, чтобы потом подарить его миру.

Он точно знал оттенок её васильковых глаз и шальной изгиб её губ, когда она улыбалась. Рядом с ней всегда вышагивал невзрачный мужичонка лет сорока одетый под стать ей

и с вечным планшетником; она на ходу пыталась на что-то уговорить его...

На пешеходке, когда светофор в судорожных конвульсиях моргнул жёлтым и тревожно вспыхнул красным, они поравнялись. Утренняя городская суeta, равнодушие и безразличие вечно куда-то спешащих человечков, надёжно скрыли их начинающуюся

безмолвную игру взглядов и жестов, только им двоим понятных.

Не смахивая с губ нагло усевшуюся, но добрую улыбку, он будто бы взглянул на светофор, не видя его, а только её глаза, в которых метнулись озорные бесята, потянув за собой её очаровательную улыбку. Они оба делали вид, что не смотрят друг на друга и оба знали, что это не так и старались отвернуться, чтобы не рассмеяться. Это было их: Привет – Привет!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.